

УДК 008

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-89-96

Андрей Александрович Королев,

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
(г. Москва, Россия),
e-mail: mailhomekorolev@yandex.ru*

Культура «новой Европы» в творчестве М. Уэльбека: дом, который опустел?

Актуальность изучения ценностных трансформаций современной Европы тесно связана с концептуализацией ряда понятий, отражающих динамику изменений. В их числе – концепт «европейский дом», отражающий идею культурного единства стран Европы. Материалом исследования послужило творчество известного французского писателя Мишеля Уэльбека, чьи произведения раскрывают противоречивый характер социокультурной идентичности современного европейца. Новизна работы состоит в выявлении специфики переживания рядовым человеком такого значимого культурного символа, как «дом». Методология исследования – культурологический анализ, сочетающий аксиологического и антропологического подходов с приёмами герменевтики. Общие европейские ценности явились результатом длительной эволюции общества и общественного самосознания, поэтапного изменения социальных и политических форм организации его жизни. Вместе с тем, важной составляющей этого процесса в настоящее время является не только рациональное понимание, но и переживание происходящих социокультурных «сдвигов» и мутаций на индивидуально-личностном уровне. Ярким свидетельством, фиксирующим подобные переживания, выступает творчество писателей, обратившихся к теме европейской идентичности. Среди них М. Уэльбек занимает особое место, поскольку ажиотаж вокруг его художественных высказываний, часто нелюбимых и эпатажных публике, сравним только с его популярностью. В картине мира, нарисованной М. Уэльбеком, Европа изображена в том числе сквозь призму метафоры дома. Связанные с ней коннотации сами по себе символичны: это опустошённость (пустой и слишком большой); оторванность (находится на отшибе); брошенность (заселён «чужаками») и заброшенность (постоянно требует ремонта). Отдельного внимания заслуживает тема европейской бюрократии, раскрытая символикой безжизненного мегаполиса, противостоящего умирающей (но тем самым подтверждающей, что она – живая) деревне.

Ключевые слова: культура «новой Европы», европейский дом, культурный символ, культура повседневности, социокультурная идентичность

Andrey A. Koroliov,

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russia),
e-mail: mailhomekorolev@yandex.ru*

The Culture of “New” Europe in the Work of M. Houellebecq: A Deserted House?

The relevance of studying the value transformations of modern Europe is closely related to the conceptualization of the notions, representing the dynamic of change. They include the concept of the so-called “European house” based on the presumed cultural integrity of European countries. The material of the study was the body of works by the famous French writer Michel Houellebecq, whose works reveal the contradictions of the nature of sociocultural identity of the modern European. The novelty of the research is to identify the specific features of common perception of house as a meaningful cultural symbol. The research methodology is a culturalological analysis that combines the principles of axiological and anthropological approaches with hermeneutics. Common European values are the result of a long evolution of society and social identity, a gradual change in the social and political forms of organization of its life. An important component of this process is not only rational understanding but also personal experience of ongoing sociocultural “shifts” and mutations. A vivid example that captures such experience can be found in the works of writers who have addressed the topic of European identity. M. Houellebecq has a special place among them since his creative expressions, unflattering and provoking, create publicity that can be compared only to Houellebecq’s popularity. In the picture of the world created by Houellebecq, Europe is depicted through the metaphor of the house. Its connotations are symbolic in themselves: void (the house is too big and empty), isolated (remote), deserted (inhabited by strangers) and abandoned (constantly in need of repair). The topic of European bureaucracy symbolically revealed through a lifeless metropolis struggling with a dying countryside (that thus proves that it is alive) deserves special attention.

Keywords: culture of “new” Europe, European house, cultural symbol, everyday culture, sociocultural identity

Введение. Обращаясь к анализу процессов, происходящих в культуре современной Европы, нельзя не упомянуть дискуссию об *общих европейской ценностях и общем европейском доме* [11; 13; 17, с. 117–119], а также о том, кто такой европеец [21; 23;

30, с. 213–218] и как он относится к проблеме «европеизма» [3; 27]. Внимание к этим вопросам связано не только с объективными тенденциями интенсивного глобального взаимодействия на основе общего рынка и мир-системных процессов [18], но и теми

© Королев А. А., 2020

глубокими противоречиями, которые определяют сознание современного европейца на фоне настроений евроскептицизма [2; 10; 34] и стремительного численного роста последователей «новых правых» [28]. В начале 2020 г. ситуация с распространением коронавируса [33, с. 18–20] поставила вопрос ещё более остро, акцентируя тему единого общеевропейского пространства «с точностью до наоборот»: границы стран ЕС оказались временно закрыты, взаимная помощь во время пандемии не соответствует масштабу происходящего, а ресурс деклараций, как известно, не может длительное время быть ниже уровня обеспечения витальных ценностей.

Что касается теоретического сопровождения текущих изменений, то можно с высокой долей уверенности констатировать: к настоящему времени исследования культурных ценностей единой Европы вышли далеко за пределы идиллических упований на торжество «вечного мира» (напомним, что в основополагающем тексте, посвящённом данной проблематике, – трактате И. Канта «К вечному миру» речь идёт об *установке*, а не о буквальном воплощении тотального европейского единства [14]) и моралистических рекомендаций в стиле долженствования [9; 16; 25; 32]. Более востребованы оказались исследования прагматических и ценностных оснований поведения «альтернативных» социальных движений разного типа, поднимающих знамя национализма [7] и утверждающих приоритет даже не региональных, а локальных ценностей [8; 15; 19; 36].

Другим малоизученным подходом является попытка проанализировать настроения «массы». Здесь на первое место выходят специалисты, работающие с медиа [4; 12] и другими источниками «живого» лингвистического и аналитического материала [22], то есть фактически речь идёт об анализе языка культуры в современном прочтении этой методологии. Однако не менее перспективным представляется попытка обратиться к исследованию смысловых акцентов, которые прослеживаются в творчестве аналитиков другого типа – художников, писателей, литературных критиков и т. д. Отметим: некоторые культурологи и философы категорически отказывают «литературоцентричному мышлению» в возможности выйти на уровень философского вопрошания [24], другие – напротив, настаивают на том, что только искусство (и в частности, литература) остаётся в настоящее время политически неангажированным, сохраняя столь необходимую философии «незамутнёность взгляда» [1, с. 95–128]. Художественное мышление в этом случае открывает возможность изучения важных акцентов, которые могли выпасть из поля рассмотрения науч-

ного мышления. Таковы, например, нюансы ценностного сознания и особенностей его переживания субъектом культуры, а также специфика трансформации самого этого субъекта в зависимости от социокультурных фреймов [5] и текущих ценностных мутаций [31, с. 322, 331, 368].

В числе авторов, оказавших значительное влияние на художественный самоанализ современной европейской культуры (в том числе, с точки зрения концептуализации идеи «общего европейского дома»), выделяется французский писатель Мишель Уэльбек, автор резонансных произведений, посвящённых новейшему антропологическому повороту и критике новейших форм тоталитаризма и ценностной деградации, которые он обнаруживает в теоретических моделях и практических решениях, свойственных «единой Европе». А также – в рамках культуры повседневности, которая оказывается наиболее чувствительной к радикальным трансформациям, о которых идёт речь.

Методология исследования представляет собой культурологический анализ, опирающийся на интерпретацию «ризомы» художественных образов М. Уэльбека. Для проведения подобной герменевтической процедуры потребовалось обращение к ряду идей философии культуры, в частности, индустрике А. Бадью и теории художественного образа [20]. Это позволяет развить ряд идей в области теории культуры на образном материале конкретных художественных текстов, а также уточнить особенности теоретических моделей, созданных средствами искусства. В работе используются антропологический и аксиологический подходы, психологическая и культурная антропология. С их помощью выявлена ограниченность интерпретации «проблемы человека» и динамики его ценностных ориентаций с позиции естественной установки сознания.

Результаты исследования и их об- суждение. Мишеля Уэльбека можно отнести к одному из первых авторов, поднявших вопрос об «общем европейском доме» в качестве одного из центральных вопросов культуры. Поставленный в художественно-образной форме, этот вопрос позволяет сконцентрировать внимание на ключевых особенностях самосознания современного европейца в поисках «ключа» его идентичности. Другим полюсом этой проблемы является сама культура, проецируемая и проецирующая рост системного обесценивания как обратной стороны индивидуализма. М. Уэльбек стремится понять, каким именно образом «рвётся связь времён», и как именно «духовная ситуация времени» задаёт рамки индивидуально-личностного саморазвития, подводя человека культуры к разрыву с культурным прошлым и оставляя

перед лицом неразличённой неизвестности пугающего будущего.

В числе первых образов, обративших на себя внимание в процессе знакомства с творчеством М. Уэльбека, можно назвать разрыв между культурой и цивилизацией, выраженный метафорой «заката Европы» в духе философии жизни О. Шпенглера. Между тем, гибель «фаустовской души», обозначенная создателем первой системной теории морфологии культуры, перешла к настоящему времени из раздела «метафора» к разделу «тривиальность»: данный процесс в настоящее время можно не только диагностировать, но и достаточно подробно описать. Своеобразные «протоколы» таких описаний и представляют собой произведения французского писателя, чьи герои постоянно оказываются в движении, в процессе перехода из одного состояния утраты – в другое, переезда с места на место, поиска самого себя как поиска своего *места*, своего *дома*.

Дом, гостиница, небольшой дом в деревне; слишком большой дом для одного; слишком большой дом для одного в очень большом городе; слишком большой дом для одного в маленькой деревне; дом, который сдаётся внаём, будучи оставлен хозяином ненадолго (но, как выясняется, в конце концов навсегда, и более того, он втайне от всех оказывается выставлен на продажу за мизерные деньги); дом, в котором всё протекло, но обещанный ремонт никак не происходит, и только «нелегальный» сантехник-мигрант оказывается случайным помощником, временно «заткнувшим дыру», но не способным решить основную проблему... Этот далеко не полный перечень метафор позволяет провести почти буквальные параллели с экономической и политической ситуацией, а также произвести более сложные сопоставления и оценки, касающиеся попытки фиксации того, что именно теряет Европа, отдаляясь от некогда всемогущих метанарративов и мучительно стремясь произвести на свет новые [6; 35, с. 10, 40–41].

Сочинения М. Уэльбека полны литературных и философских аллюзий. Он рассматривает культуру сквозь призму «философии жизни», экзистенциализма Ф. М. Достоевского и традиций бунинской прозы. Как энтомолог, застывший над наколотой на иглу бабочкой, он вглядывается в детали происходящего с культурой повседневности как бы сквозь лупу, преувеличивающую сиюминутное настроение и придающее ему размах эпического события. Вот герой романа «Серотонин» оказался в доме у своего друга – аристократа-богача, помешанного на идее фермерства. Этот дом – древний замок, «слишком большой для одного»: жена и дети оставили «чудака», которому дороги французское вино и французский сыр, чьё

производство требует непрерывного каждодневного труда, не приносит никакого дохода и к тому же не может «по определению» выдержать конкуренцию с дешёвыми американскими продуктами, – их производство (как и их вкус) упрощено до предела и потому не требует таких титанических затрат [30, с. 200]. А вот – «отвратительные» летние домики, которые обросший и неряшливый «чудак» вынужден сдавать всяким сомнительным личностям, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Именно сюда он отправляет жить своего друга: в пустом доме гость будет ему только мешать, утяжеляя своим присутствием переживание безнадежности и отчаяния. И хотя главный герой знает о производстве вина и особенно сыра во Франции почти всё, будучи чиновником Министерства сельского хозяйства, он ничем – ни словом, ни делом – не может помочь своему другу: сельское хозяйство умирает, как умирало за сто пятьдесят – сто лет до этого ремесленное производство, воспетое прерафаэлитами. Теперь дорого уже не просто производство «вручную», но производство «по-человечески», с учётом разницы вкусовых оттенков, особенностей различных этапов производства, необходимости дать время «отлежаться» (а не выставлять на продажу немедленно) и т. д.

В своих метаниях по миру герой М. Уэльбека не находит приюта нигде: слишком близкие отношения с друзьями и возлюбленными не могут закрыть вселенскую пустоту, которая заполняет его существование. Не трудно проследить в его переживаниях звучание мотивов экзистенциальной философии. Оно просматривается и в бесконечных передвижениях героя по Франции, Испании и другим странам Европы; и в резко нелицеприятных высказываниях о самих французах, обо всех подряд европейских соседях и о тех гостях из дальних стран, которые попались путешественнику под руку. За время интенсивного пространственного перемещения героя мелькающие за окном пейзажи сливаются в пустое понятие «пространство» – унылые своим однообразием ландшафты под крылом самолёта, за окном автомобиля или поезда. Вместо «лица» страны, лица её культуры – карикатуры. Слабая надежда позвать в свою жизнь кого-то – любимого, надёжного, с кем можно по-настоящему построить дом и обжить его, согреться у «домашнего очага», постоянно разбивается о какие-то внешние этому желанию препятствия. То любимая женщина как-то незаметно теряется в буквальном смысле, – или стареет, теряя былую красоту; то герой сам как бы невзначай открывает в себе и близких что-то такое, что вызывает в нём ужас и отвращение (прежде всего, к самому себе). В конечном итоге создание

дома становится нерешаемой задачей, квадратурой круга.

Воплощение кошмара безликости – элитные высотки мегаполиса, где жертвы престижного потребления находят возможность реализовать свои амбиции путём символического потребления «брендовой» архитектуры, района, и в конечном итоге «брендового» образа жизни. Однако все его атрибуты, начиная с «правильной» красоты спутницы и заканчивая привычкой покупать определённые продукты в соседнем престижном (и соответственно дорогом) универсаме, постепенно начинают вызывать у героя нарастающее отвращение, настолько сильное, что он решается в одну минуту разорвать все имущественные и эмоциональные связи. Особое отвращение начинают вызывать его возлюбленная: японка, полная всяких достоинств девушка, достигшая многого в карьере, личностном развитии именно во Франции. Это тем более (или наоборот, тем менее) вдохновляет героя, что девушка находит для себя развлечение, выявившее между ними границу принципиально допустимого с точки зрения не только личных, но и культурных границ: она начинает принимать участие в эротических съёмках, вызывающих у него буквально физическое отвращение. «Свободный» европеец оказывается в душе вовсе не либертарианцем, а едва ли не ханжой, когда игра им самим же созданных фантазий становится обыденной реальностью, приемлемой представителем другой культуры.

Итак, «клетка» многоэтажки в престижном районе брошена. Здесь у героя нет жизни, а есть только бесконечное отвращение к самому себе и своему альтер-эго – своей «спутнице жизни». Заигрывание с «альтернативными культурами» и стремление сделать свой дом открытым для всего нового и прогрессивного заводит в тупик, из которого есть только один выход – в гостиницу, где можно на некоторое время спрятаться, живя под вымышленным именем.

Здесь герой надеется найти примирение между своими человеческими потребностями и слабостями (например, привычкой курить) и общественными нормами, стремящимися к «исправлению» индивидуумов (категорический запрет на курение почти во всех гостиницах). Маленький гостиничный номер похож на тюремную камеру, правда, выбранную добровольно. Нарастающая личная неаккуратность, стремление уклониться от назойливой ежедневной уборки, положенной по правилам проживания, приводят героя в ресторанчик, где вкусно и спокойно, и он сидит там дни напролёт. Однако и здесь он, одинокий, не может побыть сам с собой. Приходится возвращаться в гостиничную «камеру». Здесь можно временно

укрыться от непогоды, от навязчивого внимания других людей, душевно отогреться и даже, возможно, вновь обрести себя.

История с влюблённостью героя в «девушку на ресепшен», милую и приветливую, становится возможна потому, что бесконечный бег от навязчивого внимания общества и от самого себя удалось на время приостановить; прийти в себя и *отдохнуть*. Отдохнуть так, как это можно сделать, только *дома*, а не в казарме элитной многоэтажки или заброшенном шалаше деревенского рая. В этом эпизоде слышны мотивы антиутопий XX в., от чуда невозможного «старого» непрозрачного дома, розовых талонов и неизменных занавесок «Мы» Е. Замятина – до Государства Порядка и Стабильности Олдоса Хаксли и Большого Брата Дж. Оруэлла, где общественное «тело без органов» вторгается в регулирование мельчайших деталей жизни человека, пытаясь «сделать, как лучше». И культура получает тотальное антропологическое разрушение, единственный выход из которого – обречённый на поражение бунт.

Однако М. Уэльбек идёт дальше, чем Е. Замятин. Чтобы бунт стал возможен, нужно время – восстановиться после лоботомии. И герою М. Уэльбека это почти удалось. Но – одно несовпадение, и линия жизни вновь гонит его на поиски нового пристанища. Грустный врач-«мозгоправ» помогает удержаться на минимуме социальности – прописывает антидепрессант. И этим же решает судьбу: оказавшись в неизбежной зависимости от побочных последствий приёма препарата, герой теряет главное для него качество, доставшееся в наследство как неотъемлемое свойство телесности – свою мужскую силу. Аллюзии с жизненной силой, силой, способной породить что-то новое – и вместе с тем живое, активное; способное испытывать и боль, но не только боль, но также радость и надежду, – всё это утрачено вместе с утратой своего мужского «я». Медикаментозная кастрация серотонином (именно так называется антидепрессант) позволяет сравнить кабинет врача с комнатой пыток, последствия которых отсрочены, но неизбежны. Перед читателем встаёт метафорический ряд: научная медицина, искренне протягивая руку помощи с искусно приготовленным лекарством, изощённо убивает человека, утратившего волю к жизни. Пройдя этот «дом науки» и получив заветный рецепт искусственного «спасения», герой переживает чувство отдельности от мира, окончательное разрушение иллюзии «норы», которые ещё недавно с таким успехом создавали его комната в гостинице и столик в ресторане. Начинается следующий этап поиска дома, уже не как возможного очага (чем была гостиница), но как пристанища, где можно просто преклонить голову.

В конечном итоге, такими местами постепенно оказываются: дом друга, «картонный домик» на пляже и квартирка в очередной высотке (только на этот раз лишённая всех бонусов элитного жилища).

Интересно, что другой роман М. Уэльбека, «Карта и территория», начинается с бытовой проблемы: в ночь под Рождество жильцу требуется починить водопровод. Но сантехник, которого можно «легально» вызвать только через фирму, берущую за услуги весьма приличные деньги, «к сожалению» прийти может только очень и очень нескоро. Как прожить эти дни? Герой романа обращается к помощи «нелегального» сантехника, выходящего из «другой» (некогда социалистической) Европы [29, с. 15–17]. Тот и берёт немного, и делает ремонт без капризов. Но как же быть с «налаженной жизнью» и верой, что Европа достигла стабильного благополучия и не нуждается в том, чтобы подвергаться пересмотру, «ремонту», базовые принципы организации её жизни, подобно водопроводу составляющие условие нормального функционирования цивилизации? Дом «с протечкой», дом, который необратимо теряет качество коммуникаций, в жилищном хозяйстве считается аварийным. И если его нельзя «починить» на системной основе, подвергнув капитальному ремонту, – такой дом идёт под снос.

Разумеется, данное положение дел не устраивает его жильцов, но значит ли это, что они действительно готовы вкладываться в серьёзный ремонт? Или, если деконструировать это символическое высказывание, готовы ли европейцы к тем крупным эмоциональным, интеллектуальным, физическим и наконец финансовым затратам, которые их ждут на пути надвигающейся «проблемы ремонта»? Не банкроты ли они? Будут ли они игнорировать эту проблему, утешая себя надеждой на несомненность своего величия (особенно по сравнению с теми странами, для которых и уровень, и образ жизни европейца остаётся на недостижимой высоте)? Найдут ли в себе силы преодолеть усталость и безнадёжность, пустоту и разобщённость? Появится ли переживание полёта и высоты? Насколько внешние формы социальной и политической организации, построенные на демократии, взаимном уважении и взаимовыгодном экономическом сотрудничестве, окажутся способны поддерживать действующий принцип обратной связи, который предполагает безусловную ценность каждого для всех? Не появился ли в «новой Европе» призрак нового тоталитаризма, восставший на её же собственных костях и распространившийся по её же собственной территории, а вовсе не экспортированный из-за рубежа по нитям новых коммуникаций?

И наконец, насколько *политическое* по сути своей способно выражать *культур-*

ное? То есть насколько власть как таковая может быть соотнесена со свободой и творчеством? Поиск ответов на эти вопросы составляет суть литературно-художественного метода Мишеля Уэльбека; а сами ответы не дают никаких однозначных рецептов. И если взгляд аналитика-рационалиста «со стороны», из глубины других социокультурных локусов, нередко констатирует «надуманность» подобных переживаний (а то и их «навязывание» в целом благополучной во всех смыслах Европе), то сами европейцы, если верить М. Уэльбеку, далеко не так благодетельны. Их дом переживает не лучшие времена. Но это не значит, что он рухнул.

Выводы. 1. Таким образом, «новая Европа» в романах М. Уэльбека, рассмотренная с точки зрения концепта «дом», предстаёт в двух главных образах: «общего европейского дома», который опустошён изнутри, открыт миру как «заброшенка» (хотя и видится посетителям верхом благоустройства). Во-вторых, этот «единый европейский дом» складывается из отдельных «комнат», по которым разошлись его обитатели, спасаясь от надзора строгого домовладельца – бездушной машины европейской и национальной бюрократии. В этом смысле европейский дом не пуст, но «держится» лишь на воспоминании о былом величии – «старых» принципах солидарности и «отживших» ценностных моделях (примером последних М. Уэльбек полагает христианство).

2. Параллельно Европа постепенно теряет главное качество своей культуры, которое стало основой её единства, – «домашность», обращённость «лицом» к людям. Более того, она перестаёт быть местом, где на основании формального права каждый представлен в системе единства как личность, имеющая своё лицо – лицо, обращённое к другим. Новая модель культуры приближается к тому символическому токованию, которое Г. В. Ф. Гегель назвал «разорванным сознанием». Выступая «проекцией» коллективного самосознания, дополнительно «раздробленного» (по мысли М. Уэльбека, за счёт усиления индивидуализма), культура «общего дома» становится культом неприютности и одиночества, страха и отчаяния, – под маской благополучия и уверенности в себе. Хорошо построенный и заполненный полезными вещами дом, в котором нет лада и радости, – не дом, а помещение, которое скоро будет оставлено (продано, брошено) своими хозяевами.

3. Житель «европейского дома» чувствует одиночество не только потому, что его дом заполнили «гости»-мигранты, которых лично он в общем-то не звал. При этом процесс интенсификации межкультурной коммуникации на территориях, географически относимых к Европе, сопровождается

натиском анти-европоцентризма (и прежде всего, в сознании самих европейцев). Не удивительно, что на уровне базовых социальных рефлексов безопасности у некоторого количества жителей этой территории появляется вначале агрессия, а затем – апатия. Вывод М. Уэльбека беспощаден: социальные чувства нельзя игнорировать, нельзя воспринимать их негативный заряд как их полное отсутствие. Брошенный дом – не просто пустой, он – страшный.

4. По мысли М. Уэльбека, в условиях хорошо организованного общего дома человек чувствует себя частью социальной машины, обезличивающей любое движение ума, души и тела. Бюрократическая машина с чёткой механической системностью подавляет желание остаться одному – не в смысле одиночества, а в смысле уединения, открытого творчеству. Писатель констатирует развитие своеобразной духовной и социальной болезни, которая может быть названа стремлением к бездомности. В этом символическом доме пуст не только очаг, но и алтарь, причём неверие «исконного» европейца не могут компенсировать толпы мигрантов, которые

привезли с собой «своих» богов. Церковные здания постепенно превращаются в административные и развлекательные центры; наука заменяет веру, а лекарственные препараты – разговоры по душам.

5. «Старый» дом разрушен. А в «новом» – не получается обжиться, там холодно и неуютно, «не-антропосоразмерно». В нём, несмотря на декларации, не хватает любви, дружбы и взаимопонимания, – хотя есть возлюбленные, друзья и тонкая рефлексия. Дом, который всё же оказывается возможен, – это дом из прошлого. Родительский дом до того, как его посетила беда или смерть близкого человека; дом друга до того, как тот перестал чувствовать себя – собой. Культурный «европейский дом», как следует из сочинений М. Уэльбека, уходит в прошлое. Но память о нём ещё жива. Эта связующая нить остаётся в культурном самосознании вопросом и болью. Это доказывает, что этот дом всё же существует – как парадокс и вопрос, как духовное измерение культуры, не удобное для её утилитарных толкований, но, видимо, неустранимо связанное с ней.

Список литературы

1. Бадью А. Малое руководство по инэстетике. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. 156 с.
2. Боровков И. И. [и др.]. Трансформация партийно-политического ландшафта в Европе в условиях нового миропорядка // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4. С. 13–57.
3. Браницкий А. Г. Взаимоотношения современной России с ЕС и СЕ: судьба российского европеизма // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики / под ред. А. А. Корнилова [и др.]. Н. Новгород, 2018. С. 6–11.
4. Бушев А. Б. Медиаисследования дискурса европейской идентичности // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 95–100.
5. Вахштайн В. «Практика» vs. «Фрейд»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. № 1. С. 65–95.
6. Волков В. Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3–11.
7. Гаврилова С. М. Политическая альтернатива и будущее Европы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4. С. 203–217.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
9. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 188–190.
10. Гуляева К. В. Дискурс о сути интеграционного процесса в Европейском союзе: «еврооптимисты» против «евроскептиков» // Власть. 2010. № 5. С. 64–67.
11. Жариков П. А. Европейские ценности: достижения и последствия // Аксиологический аспект подготовки магистрантов технического вуза: материалы науч. конф. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, 2016. С. 20–28.
12. Зарипова А. И. Роль средств массовой коммуникации Франции в пространстве современной культуры // Творчество как национальная стихия: медиа и социальная активность: сб. ст. / под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслбоевой. СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2018. С. 358–366.
13. Иванов И. Д. Анатомия европейских ценностей // Современная Европа. 2012. № 2. С. 13–23.
14. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 5–56.
15. Касабуцкая М. С. Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 205–212.
16. Ковалев А. А., Шамахов В. А. Оппозиция «Мир – Война» как явление гибридной политической реальности // Политика и общество. 2018. № 7. С. 25–39.
17. Крецу О. Г. Формирование «Европы» как новой историко-культурной общности в раннем средневековье // Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций: материалы III Всерос. конф. кафедры всеобщей истории / отв. ред. Д. В. Григорьев. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2018. С. 117–130.

18. Лопатин А. А., Чечулин В. Л. Исследование тенденции состояния экономики Евросоюза посредством модели отклонения от экономического равновесия // Математика и междисциплинарные исследования – 2017: материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых учёных с междунар. участием: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. А. П. Шкарапула. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. С. 225–229.
19. Луценко А. В. «Неоязыческий комплекс» в сознании современного европейца // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 6. С. 35–39.
20. Мальцева Е. А. Художественный образ как результат отражения и конструирования реальности // Обсерватория культуры. 2020. № 1. С. 16–25.
21. Медушевский Н. А. Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интегративного процесса // Власть. 2019. № 3. С. 167–174.
22. Нехорошева К. И. Проблема гуманитарных технологий: специфика подхода французского образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2019. № 1. С. 14–20.
23. Перская В. В. Европейские ценности или национальные интересы? // Экономические аспекты Брекзита. Серия «Доклады Института Европы». М.: Ин-т Европы РАН, 2017. С. 89–98.
24. Подорога В. А. О чём спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия?» // Философский журнал. 2009. № 1. С. 5–17.
25. Саликов А. Н. Интерпретация идей трактата «К вечному миру» И. Канта в современной либеральной теории демократического мира // Кантовский сборник. 2012. № 4. С. 42–49.
26. Серебрякова С. В. Научное осмысление понятия «европейская идентичность» в современном общеевропейском контексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 213–218.
27. Тишина И. Н. Европеизм И. С. Тургенева в оценке деятелей культуры русской эмиграции первой волны // Культура и цивилизация. 2017. № 5А. С. 502–511.
28. Узнародов И. М. Новый национализм в современной Европе // Современная Европа. 2015. № 5. С. 75–90.
29. Уэльбек М. Карта и территория / пер. с фр. М. Зониной. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 480 с.
30. Уэльбек М. Серотонин / пер. с фр. М. Зониной. М.: Астрель: CORPUS, 2020. 320 с.
31. Философия культуры в системе изучения международных отношений. Кн. 1. Парадоксы исследовательской призмы / М. В. Силантьева [и др.]. М.: МГИМО, 2020. 544 с.
32. Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестник российского философского общества. 2003. № 3. С. 16.
33. Шумилин А. И. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 14–21.
34. Яковлев Д. А. Концепция евроскептицизма в социально-политической теории // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2. С. 78–84.
35. Lyotard J.-F. The Postmodern condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 111 p.
36. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings / ed. by J. T. Jost, J. Sidanius (Series: Key readings in social psychology). New York: Psychology Press, 2004. Pp. 276–293.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020; принята к публикации 13.06.2020

Сведения об авторе

Королев Андрей Александрович, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76; e-mail: mailhomekorolev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3188-2056>.

Библиографическое описание статьи

Королев А. А. Культура «новой Европы» в творчестве М. Уэльбека: дом, который опустел? // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 89–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-89-96.

References

1. Badiou, A. Handbook of Inaesthetics. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2014. (In Rus.)
2. Borovkov, I. I. [et al.]. Transformation of the party-political landscape in Europe in the new world order. Problems of national strategy, no. 4, pp. 13–57, 2019. (In Rus.)
3. Branitsky, A. G. The relationship of modern Russia with the EU and the Council of Europe: the fate of Russian Europeanism. In Kornilov, A. A., ed.: World Regions: problems of history, culture and politics. Nizhny Novgorod, 2018: 6–11. (In Rus.)
4. Bushev, A. B. Media Studies of the Discourse of European Identity. Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects, no. 6, pp. 95–100, 2013. (In Rus.)
5. Wachstain, V. "Practice" vs. "Frame": alternative research projects of the everyday world. Sociological Review, no. 1, pp. 65–95, 2008. (In Rus.)
6. Volkov, V. N. Postmodernity: distrust by metanarrative. Cultural Heritage of Russia, no. 2, pp. 3–11, 2015. (In Rus.)
7. Gavrilova, S. M. The "political alternative" and the future of Europe. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World, no. 4, pp. 203–217, 2019. (In Rus.)
8. Giddens, A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. M: Ves' mir, 2004. (In Rus.)

9. Gorokhov, P. A., Yuzhaninova, E. R. Treatise of Immanuel Kant "Perpetual Peace": the possibility of project implementation. Theory and Practice of Social Development, no. 11, pp. 188–190, 2015. (In Rus.)
10. Gulyaeva, K. V. Discourse on the essence of the integration process in the European Union: "Euro-optimists" versus "Euro-skeptics". Power, no. 5, pp. 64–67, 2010. (In Rus.)
11. Zharikov, P. A. European values: achievements and consequences. In: Proceedings of the Conference "Axiological aspect of training students of a technical university". 2016: 20–28. (In Rus.)
12. Zariyova, A. I. The role of the media of France in the space of modern culture. In Alyaeva G. E., Masloboeva O. D., ed.: Creativity as a national element: media and social activity. Digest of articles. Sankt-Peterburg, 2018: 358–366. (In Rus.)
13. Ivanov, I. D. Anatomy of European values. Modern Europe, no. 2, pp. 13–23, 2012. (In Rus.)
14. Kant, I. Perpetual Peace: A Philosophical Sketch. Collected works. In 8 v. V. 7. M: Choro, 1994: 5–56. (In Rus.)
15. Kasabutskaya, M. S. Glocalization and features of intercultural interaction. Proc. of St. Petersburg State Institute of Culture, vol. 206, pp. 205–212, 2015. (In Rus.)
16. Kovalev, A. A., Shamakhov, V. A. Opposition "Peace-War" as a phenomenon of hybrid political reality. Politics and Society, no. 7, pp. 25–39, 2018. (In Rus.)
17. Kretsu, O. G. The formation of "Europe" as a new historical and cultural community in the early Middle Ages. In Grigoryev D. V., executive ed.: Socio-political processes in the history of world civilizations. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference of the Department of World History. V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2018: 117–130. (In Rus.)
18. Lopatin, A. A., Chechulin, V. L. Research of the tendency of state of the economy of the European union using model deviation from economic balance. In Shkaraputa A. P., editor-in-chief: Mathematics and Interdisciplinary Research – 2017. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists with International Participation. In 2 vol. Vol. 2. 2017: 225–229. (In Rus.)
19. Lutsenko, A. V. "Neopagan complex" in the mind of the modern European. Ethnosocium and multinational culture, no. 6, pp. 35–39, 2012. (In Rus.)
20. Mal'tseva, E. A. Artistic image as a result of reality reflection and construction. Observatory of Culture, vol. 17, no. 1, pp. 16–25, 2020. (In Rus.)
21. Medushevsky, N. A. Memory Policy in the European Union as a Tool for the Implementation of the Integration Process. Power, no. 3, pp. 167–174, 2019. (In Rus.)
22. Nekhorosheva, K. I. The problem of humanitarian technologies: specificity of the approach of French education. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy, no. 1, pp. 14–20, 2019. (In Rus.)
23. Perskaya, V. V. European values or national interests? In: Economic aspects of Brexit. Series "Reports of the Institute of Europe". M: Institut Evropy RAN, 2017: 89–98. (In Rus.)
24. Podoroga, V. A. What is being asked when one asks about what is philosophy. Philosophical journal, no. 1, pp. 5–17, 2009. (In Rus.)
25. Salikov, A. N. Interpretation of the ideas of the treatise "Perpetual Peace" by I. Kant in the modern liberal theory of the democratic world. Kant collection, no. 4, pp. 42–49, 2012. (In Rus.)
26. Serebryakova, S. V. Scientific reflection of "European identity" phenomenon in present-day general European context. Humanitarian and legal studies, no. 1, pp. 213–218, 2017. (In Rus.)
27. Tishina, I. N. Europeanism of Turgenev in the assessment of cultural workers of the Russian emigration of the first wave. Culture and Civilization, no. 5A, pp. 502–511, 2017. (In Rus.)
28. Uznarodov, I. M. New nationalism in modern Europe. Modern Europe, no. 5, pp. 75–90, 2015. (In Rus.)
29. Houellebecq, M. The Map and the Territory. M: Astrel'; CORPUS, 2011. (In Rus.)
30. Houellebecq, M. Serotonin. M: Astrel'; CORPUS, 2020. (In Rus.)
31. The philosophy of culture in the system of studying international relations. Book 1. Paradoxes of a research prism / Silant'eva, M. V. [et al.]. M: MGIMO, 2020. (In Rus.)
32. Habermas, J. Discussion on the past and future of international law: transition from national to post-national structure. Bulletin of the Russian Philosophical Society, no. 3, p. 16, 2003. (In Rus.)
33. Shumilin, A. I. Pandemic Factor in European Foreign Policy. Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, no. 2, pp. 14–21, 2020. (In Rus.)
34. Yakovlev, D. A. The concept of euroscepticism in social and political theory. Skif: Student Science Issues, no. 2, pp. 78–84, 2020. (In Rus.)
35. Lyotard, J.-F. The Postmodern condition: A Report on Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. (In Engl.)
36. Tajfel, H., Turner, J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In Jost, J. T. & Sidanius, J., ed.: Political psychology: Key readings. Series: Key readings in social psychology. New York: Psychology Press, 2004: 276–293. (In Engl.)

Received: May 14, 2020; accepted for publication June 13, 2020

Information about author

Koroliyov Andrey A., Postgraduate Student; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; e-mail: mailhomekorolev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3188-2056>.

Reference to the article

Koroliyov A. A. The Culture of "New" Europe in the Work of M. Houellebecq: A Deserted House? // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 89–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-89-96.